

Генеральная Ассамблея

Семьдесят вторая сессия

Официальные отчеты

Distr.: General
5 December 2017
Russian
Original: English

Шестой комитет

Краткий отчет о 26-м заседании,

состоявшемся в Центральных учреждениях, Нью-Йорк, в среду, 1 ноября 2017 года, в 10 ч 00 мин

Председатель: г-н Мухумуза (Уганда)

затем: г-н Гафур (председатель) (Сингапур)

Содержание

Пункт повестки 81: Доклад Комиссии международного права о работе ее шестидесяти девятой сессии (*продолжение*)

В настоящий отчет могут вноситься поправки.

Поправки должны направляться в кратчайшие возможные сроки за подписью одного из членов соответствующей делегации на имя начальника Секции управления документооборотом (dms@un.org), и вноситься в один из экземпляров отчета.

Отчеты с внесенными в них поправками будут переизданы в электронной форме и размещены в Системе официальной документации Организации Объединенных Наций (<http://documents.un.org/>).

17-19296 X (R)

Просьба отправить на вторичную переработку

Заседание открывается в 10 ч 05 мин

Пункт повестки 81: Доклад Комиссии международного права о работе ее шестьдесят девятой сессии (продолжение) (A/72/10)

1. **Председатель** предлагает Комитету продолжить рассмотрение глав VIII—X доклада Комиссии международного права о работе ее шестьдесят девятой сессии (A/72/10).

2. **Г-жа Макдугалл** (Австралия), обращаясь к теме императивных норм общего международного права (*jus cogens*), говорит, что составление проектов выводов по данной теме целесообразно с точки зрения отражения динамического характера формирования, принятия и признания императивных норм *jus cogens* государствами. Австралия поддерживает требование о наличии свидетельств принятия и признания нормы в качестве нормы *jus cogens*; однако она также согласна с мнением о том, что с методологической точки зрения этот подход может быть небезупречен. Особенно это касается тех случаев, когда международная практика, с опорой на которую можно определить степень принятия и признания нормы государством, ограничена. С учетом относительной неопределенности приобретения той или иной нормой статуса *jus cogens* она сомневается в пользе составления иллюстративного перечня таких норм и в том, что в отношении такого перечня возможно достичь консенсуса. Кроме того, это может навредить поставленным целям, а именно разъяснению и согласованию критериев для идентификации императивных норм. В этой связи Австралия рекомендует применять взвешенный подход, в случае если будет принято решение составить перечень императивных норм общего международного права.

3. **Г-н Симонофф** (Соединенные Штаты Америки) говорит, что, в то время как лучшее понимание природы норм *jus cogens* может способствовать пониманию определенных областей международного права, а именно международных норм и стандартов в области прав человека, его делегацию по-прежнему беспокоит несколько вопросов в связи с темой «Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)». Делегация оратора выражает сомнение в том, что с методологической точки зрения по важным вопросам, например по таким, как процесс приобретения той или иной нормой статуса *jus cogens* и правовая сила такого статуса в сравнении с прочими нормами международного и внутреннего права, накоплено достаточно международной практики.

4. Критерии для идентификации императивных норм должны быть основаны на статье 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года и согласованы с ее положениями. Тот факт, что проекты выводов, одобренные в предварительном порядке Редакционным комитетом в ходе шестьдесят восьмой и шестьдесят девятой сессий (приведены на веб-сайте Комиссии), верно отражают полный текст определения императивной нормы, заслуживает одобрения. Делегация оратора выражает свое согласие с содержащимся в проекте вывода 5 («Нормы *jus cogens* как нормы общего международного права») заявлением о том, что основой для формирования международно-правовых норм *jus cogens* чаще всего является международное обычное право, однако ей не знакомы примеры, когда императивные нормы были бы основаны на общих принципах права, как утверждается в пункте 2 проекта вывода. Комиссии следует либо удалить отсылку к общим принципам права, либо дать в комментарии пояснения об отсутствии установленного факта того, что такие принципы могут в действительности стать основанием для императивных норм международного права.

5. Что касается проекта вывода 9 («Свидетельства принятия и признания»), предложенного Специальным докладчиком в его втором докладе (A/CN.4/706), делегация оратора не считает, что решения и постановления международных судов и трибуналов могут служить свидетельством принятия и признания государствами нормы в качестве императивной. И в проекте вывода 13, включенного в текст проектов выводов о выявлении международного обычного права, принятого Комиссией (A/71/10, пункт 62), и в статье 38 Статута Международного Суда должным образом признаётся, что решения международных судов и трибуналов являются лишь вспомогательным средством для определения правовых норм. При идентификации императивных норм также следует руководствоваться этим подходом.

6. Несмотря на то, что работа Комиссии над темой «Правопреемство государств в отношении ответственности государств» может способствовать уточнению норм и стандартов в этой области права, делегация оратора не уверена, что эта тема получит широкую поддержку или вызовет интерес у государств, ввиду того, что Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 года и Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов 1983 года были ратифицированы незначительным числом государств. Затронутые в рамках

этой темы вопросы чрезвычайно сложны, и по мере продолжения работы Комиссии над текстом потребуются их тщательное рассмотрение правительствами; на нынешнем, начальном этапе работы Комиссии должна четко указывать, когда она занимается кодификацией права, а когда — его прогрессивным развитием.

7. Что касается проекта статьи 3 («Релевантность соглашений о правопреемстве государств в отношении ответственности»), предложенной в первом докладе Специального докладчика по этой теме (A/CN.4/708), Специальный докладчик описывает релевантность соглашений как нечто зависящее от типа соответствующего соглашения. Делегация оратора не уверена, что разграничение соглашений о переходе прав и обязательств, соглашений о претензиях и прочих соглашений прочно укрепились в практике государств. Следует дополнительно рассмотреть вопрос о том, допустимо ли делать выводы о практике государств на основании такого разграничения. С другой стороны, в пункте 4 проекта статьи 3 справедливо признается центральное значение принципов, отраженных в статьях 34—36 Венской конвенции 1969 года, включая общее правило относительно того, что договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия.

8. Что касается темы «Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами», он говорит, что Соединенные Штаты по-прежнему обеспокоены тем вниманием, которое уделяется одновременному применению нескольких сводов норм права в условиях вооруженных конфликтов, помимо международного гуманитарного права. Международное гуманитарное право в условиях вооруженного конфликта имеет статус *lex specialis*, и степень применимости норм, содержащихся в других сводах норм права, должна оцениваться в каждом конкретном случае. Соединенные Штаты также обеспокоены тем, что, возможно, Комиссия не является подходящим форумом для рассмотрения вопроса о том, отражают ли определенные положения международного гуманитарного права нормы и принципы международного обычного права; более того, для рассмотрения этого вопроса потребуются провести тщательный и обширный анализ практики государств, который должен сопровождаться *opinio juris*.

9. Несколько проектов принципов сформулированы таким образом, что выражают долженствование и диктуют государствам, как им следует или должно поступать. Использовать такие формулировки допустимо только в прочно укоренившихся

нормах, которые представляют собой *lex lata*. Согласно проекту вводных положений и проектов принципов, принятых Редакционным комитетом в предварительном порядке до настоящего времени (A/CN.4/L.870), проекты принципов направлены на «улучшение» защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами — иными словами, на оказание влияния на прогрессивное развитие права — и вряд ли можно сомневаться в том, что некоторые проекты принципов выходят далеко за рамки существующих правовых требований. Так, проект принципа 8, одобренный в предварительном порядке в ходе шестьдесят восьмой сессии и изложенный в документе A/CN.4/L.876, вводит существенные правовые обязательства в связи с участием в миротворческих операциях, а проект принципа 16 расширяет установленные Конвенцией о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия обязательства по разминированию, ликвидации или уничтожению взрывоопасных пережитков войны, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Конвенция по конкретным видам обычного оружия), добавляя «токсичные и опасные» пережитки войны.

10. Г-н Фернандес Валони (Аргентина), обращаясь ко второму докладу по императивным нормам общего международного права (*jus cogens*) (A/CN.4/706), говорит, что первый критерий, названный Специальным докладчиком, гласит, что норма должна относиться к нормам общего международного права, а наиболее очевидным проявлением общего международного права является международное обычное право, что подтверждается решениями национальных и международных судов и трибуналов. В этой связи делегация оратора признательна за ссылку на практику Верховного суда Аргентины и считает, что работа над темой «Выявление международного обычного права» также должна приниматься во внимание.

11. Что касается второго критерия, признания и принятия нормы *jus cogens* как не допускающей отклонений, делегация поддерживает Специального докладчика в том, что релевантным является принятие и признание нормы со стороны государств, однако считает, что практика негосударственных субъектов может помочь в оценке того, признаны и приняты ли нормы государствами.

12. Путем перечисления соответствующих материалов, таких как международные договоры, резолюции Генеральной Ассамблеи, публичные заявления, сделанные от имени государств, а также решения международных судов и трибуналов, доклад пролил

свет на то, что должно быть продемонстрировано при определении, является ли норма принятой и признанной государствами. По мнению делегации оратора, статус ратификации конкретных международных договоров и положения, к которым государствами приняты оговорки, также могут служить критериями согласия государств. Еще одним элементом, который включен в проект вывода 3 в качестве описательного, а не конститутивного элемента, является то, что нормы *jus cogens* защищают основополагающие ценности международного сообщества. Несмотря на то, что это положение не включено в статью 53 Венской конвенции, дополнительные факторы, способствовавшие поднятию нормы до статуса *jus cogens*, в частности защищаемые ею ценности, обязательно должны приниматься во внимание.

13. Подобные описательные элементы упоминаются в ряде решений международных судов и трибуналов, например в деле *Prosecutor v. Furundžija* («Прокурор против Фрунджий»), в решении по которому Международный трибунал по бывшей Югославии указал, что запрещение пыток приобрело статус нормы *jus cogens* в силу «важности тех ценностей, которое оно защищает». В своем консультативном заключении по делу «Оговорки к Конвенции по геноциду» Международный Суд указал, что принципы, лежащие в основе Конвенций, признаны цивилизованными нациями в качестве имеющих обязательную силу для государств даже в отсутствие каких-либо договорных обязательств. В своем консультативном заключении относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения Суд упоминает ценности, которые защищаются нормами *jus cogens*, ссылаясь на правила гуманитарного права, являющиеся основополагающими в контексте уважения личности человека и элементарных соображений гуманности. На этот нормативный элемент прямо указывают и региональные органы, например Межамериканская комиссия по правам человека в деле *Michael Domingues v. United States* («Майкл Домингес против Соединенных Штатов») и Европейский суд по правам человека в деле *Al-Adsani v. United Kingdom* («Аль-Адсани против Соединенного Королевства»).

14. Идентификация норм *jus cogens* может оказать огромное влияние на практику государств в отношении определения оснований для отказа в выдаче и отклонения запросов о взаимной правовой помощи в рамках осуществления универсальной юрисдикции и обязательства осуществлять судебное преследование или выдавать подозреваемых в международных преступлениях. Следовательно, к рассмотрению

этой темы необходимо подходить взвешенно, отдавая приоритет анализу, обеспечивающему правовую определенность в отношениях между государствами.

15. Обращаясь к проекту Комиссии относительно преступлений против человечности, он говорит, не предвосхищая замечаний к проектам статей, которые могут быть представлены его правительством до установленного на 1 декабря 2018 года срока, что работу над проектом можно продолжать, не опасаясь того, что международное сообщество могло уже достичь противоположных договоренностей, поскольку проекты статей 1—15 основаны на существующих прецедентах, зафиксированных в международных договорах по международным преступлениям, в частности в Римском статуте Международного уголовного суда. К положительным аспектам проекта статей относятся включение принципа *aut dedere aut judicare* и тот факт, что в отношении выдачи виновных преступления против человечности не могут рассматриваться как политические преступления. Следует отметить, что с другой стороны, положения, запрещающие амнистию или помилование виновных в подобных преступлениях, не вошли в проекты статей.

16. В то время как государства — участники Римского статута обязаны включить преступления, установленные Статутом, в свое внутреннее законодательство, обязательства по предотвращению таких преступлений, сотрудничеству со следствием и осуществлению судебного преследования распространяются на все государства. В этой связи Аргентина совместно с Бельгией, Нидерландами, Сенегалом и Словенией выдвинула инициативу относительно принятия многостороннего договора, к которому предлагается присоединиться всем государствам и который касается взаимной правовой помощи и выдачи виновных в преступлениях против человечности, военных преступлениях и геноциде. Эта инициатива не противоречит текущему проекту Комиссии по преступлениям против человечности.

17. Наконец, что касается временного применения договоров, делегация оратора с удовлетворением отмечает тот факт, что в проекте руководящих положений, касающихся данной темы, учтена современная практика и четко сказано, что статья 25 Венской конвенции не устанавливает самостоятельный режим, а что напротив, договор, который применяется временно, порождает такие же юридические последствия, как если бы договор вступил в полную силу, и, соответственно, все прочие положения Венской конвенции применяются *mutatis mutandis*.

18. **Г-н Надь** (Словакия) говорит, что его правительство одобряет то, что Специальный докладчик использует статью 53 Венской конвенции 1969 года в качестве отправной точки при установлении критериев для идентификации императивных норм общего международного права. Тем не менее некоторые аспекты вызывают вопросы.

19. Например, в связи с требованием к признанию и принятию крайне важно уточнить, каким образом сообщество государств должно добиться *opinio juris cogentis*. В сущности, по мнению делегации оратора, проекты выводов 6—9, предложенные Специальным докладчиком, создают неопределенность относительно процедуры определения *opinio juris*, а это нежелательно. Таким образом, Специальному докладчику следует более подробно остановиться на вопросе о том, является ли недопустимость отклонений обязательным и неперенным признаком принятия и признания и, если это так, необходимо ли государствам в явной форме заявить о принятии и признании или это может быть сделано, например, путем отсылки к основополагающим ценностям или самым важным и универсальным нормам. Помимо этого, поскольку в проекте вывода термины «принятие» и «признание» почти во всех без исключения случаях употребляются в одной связке, не вполне понятно, является ли первое только лишь пассивным отношением, а второе — своего рода активным заявлением или поведением либо они представляют собой две отдельные стадии, необходимые для *opinio juris*. К сожалению, проект вывода 9, в котором идет речь о свидетельствах принятия и признания, не вполне способствует пониманию этих положений. Указание на то, что свидетельства принятия и признания «могут быть отражены в различных материалах», и приведение в качестве примера международных договоров, резолюций, публичных заявлений, сделанных от имени государства, и так далее не дает представления о том, могут ли принятие и признание принимать негласную, подразумеваемую форму или форму молчаливого одобрения.

20. Описывая «сообщество государств в целом» как «значительное большинство государств», проект вывода 7 оставляет открытым вопрос, требуется ли какая-то определенная форма согласия значительного большинства, для того чтобы было обеспечено соответствие формулировке «в целом».

21. Наконец, Словакия поддерживает составление иллюстративного перечня норм, квалифицируемых в качестве императивных: без такого перечня вряд ли возможно обеспечить должное рассмотрение всех существенных аспектов императивных норм общего международного права.

22. **Г-н Раковица** (Румыния) говорит, что его страна в целом поддерживает проекты выводов 4—9, касающиеся императивных норм общего международного права (*jus cogens*), в которых, как она считает, хорошо сбалансированы и корректно учтены действующие положения международного права в этой области. Что касается проекта вывода 4, Румыния согласна с примененным подходом, предполагающим наличие двух критериев, и разделяет мнение Специального докладчика относительно того, что изменение нормы последующей нормой *jus cogens*, о котором идет речь в статье 53 Венской конвенции 1969 года, не может служить критерием идентификации нормы *jus cogens*.

23. Проект вывода 5 определяет критерий идентификации нормы *jus cogens* (пункт 1), после чего описывает основы для формирования таких норм (пункты 2—4). Румыния принципиально согласна с тем, что критерии идентификации норм *jus cogens* и основы для их формирования — вопросы разного порядка, и представляется разумным и более правильным рассматривать их в отдельных положениях; помимо этого, в название проекта вывода следует включить четкое указание на основы для формирования норм *jus cogens*. В целях упорядочения текста проект вывода 6 может быть упразднен, поскольку положение, приведенное в пункте 1, проистекает из определения, содержащегося в проекте вывода 4, в то время как содержание пункта 2 в целом излагается в проекте вывода 7.

24. Обращаясь к проекту вывода 7, оратор говорит, что у его делегации есть некоторые оговорки к положению пункта 3, согласно которому «для квалификации нормы в качестве нормы *jus cogens* достаточно принятия и признания значительным большинством государств». По своей природе нормы *jus cogens* воплощают императивные обязательства, которые несет каждое государство, и отражают фундаментальные стандарты, разделяемые сообществом государств; подобные нормы принимаются государствами на основе единогласия или квазиединогласия. То же относится и к фразе «признание и принятие международным сообществом государств в целом», содержащейся в проекте вывода 7. Румыния предлагает использовать более точную формулировку вместо определения «значительное большинство» и выступает за то, чтобы текст проекта вывода был как минимум дополнен термином «очень значительное большинство».

25. В проекте вывода 8 изложены важные отличительные характеристики и ценные пояснения, помогающие разграничить принятие и признание как

критерий для *jus cogens* от признания в качестве правовой нормы для иных целей. Наконец, в проекте вывода 9 описываются типы материалов, которые могут использоваться в качестве свидетельств принятия и признания нормы международного права в качестве нормы *jus cogens*. Румыния поддерживает сохранение проектов выводов 8 и 9 в их нынешней формулировке.

26. Обращаясь к теме правопреемства государств в отношении ответственности государств, он говорит, что в ходе прений в Комиссии был сделан важный вывод, который заключается в том, что единой нормативной основы для этой темы не существует и что практика государств, особенно если речь идет о единообразной практике, в этой сфере ограничена. Румыния может согласиться со Специальным докладчиком в том, что касается строгого характера тезиса о недопустимости правопреемства. Однако необходимо тщательно оценить различные условия правопреемства государств, с тем чтобы не прийти к противоположному заключению — о том, что тезис о правопреемстве является общим правилом. Скорее будет наблюдаться тенденция к отступлению от тезиса недопустимости правопреемства в конкретных и точно определенных ситуациях.

27. Румыния не думает, что готова принять участие в разработке нового закона в этой сфере. Несколько замечаний, прозвучавших в ходе прений в Комиссии, содержали аргументы в пользу разработки проекта руководящих положений или, в лучшем случае, проекта правил. В силу необходимости обеспечить гибкость и в силу субсидиарного характера соответствующих норм требуется менее официальный документ, чем конвенция. Результаты работы над темой о правопреемстве государств в отношении ответственности государств могут представлять полезную модель, которую соответствующие государства могут использовать, а также модифицировать. Тем не менее Румыния по-прежнему не уверена, что Комиссии стоит изучать эту тему, имеющую ограниченное практическое применение.

28. Делегация оратора считает обоснованным замечание Рабочей группы по защите окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами относительно то, что следует дополнительно рассмотреть другие области, в том числе вопросы комплементарности с другими соответствующими отраслями международного права, включая международное экологическое право и защиту окружающей среды в условиях оккупации. Для того чтобы анализ был исчерпывающим, важно также изучить вопросы комплементарности с морским правом и связь с угрозами

пиратства и нетрадиционными военными операциями на море. Признавая сложность составления перечня правил, применимых в условиях гибридных конфликтов и в отношении негосударственных субъектов, Румыния твердо убеждена в том, что они имеют отношение к рассматриваемой теме.

29. Что касается вопроса об особых уязвимых категориях, он говорит, что причиненный в ходе вооруженного конфликта ущерб окружающей среде на любой территории может повлечь за собой прямые последствия для всех людей, например тех, что занимаются сельским хозяйством, а не только для коренных народов. Таким образом, Комиссия, возможно, пожелает подготовить общее заявление о защите людей, тесно связанных с окружающей средой, которое также будет охватывать малоимущее местное население.

30. Г-жа Эгмонд (Нидерланды), обращаясь к теме императивных норм общего международного права (*jus cogens*), говорит, что, как показали прения в Комиссии, в отношении многих элементов *jus cogens* по-прежнему не достигнуто согласие. Нидерланды разделяют опасения, которые ранее высказывала Франция в связи с отсутствием ясности в понятии *jus cogens* и, в частности, в применении этих норм, и надеется, что Комиссия будет непрерывно следить за ходом работы над этой темой.

31. Правительство оратора поддерживает мнение, согласно которому международное обычное право является наиболее общей основой для формирования норм *jus cogens* и разделяет высказанные в ходе шестьдесят девятой сессии Комиссии сомнения в том, что общие принципы права и договорные положения следует рассматривать в качестве источника норм *jus cogens*. Большинство общих принципов права не обладает такой характеристикой норм *jus cogens*, как недопустимость отклонений, а многие договорные положения не имеют универсального применения; если же они имеют универсальное применение, это чаще всего является следствием того, что они не только включены в договор, но и имеют статус нормы обычного права. Всеобщее присоединение к договору является, скорее, исключением, чем правилом. Правительство оратора поддерживает двухаспектную проверку: для того чтобы норма приобрела статус *jus cogens*, она должна быть признана как таковая (практика и *opinio juris*) и признана в своем императивном статусе (практика и *opinio juris cogens*).

32. Редакционный комитет решил вопрос о том, защищают ли нормы *jus cogens* основополагающие

ценности или отражают их, включив обе характеристики. Однако правительство оратора не уверено, что этот вопрос имеет значение сам по себе; что действительно важно, так это то, что норма должна быть принята и признана международным сообществом в качестве нормы *jus cogens*, и что отклонения от такой нормы недопустимы.

33. Нидерланды полагают, что составлять перечень норм, имеющих статус *jus cogens*, нежелательно. Авторитетный характер любого подобного перечня, составленного Комиссией, иллюстративного или иного рода, вероятнее всего будет препятствовать развитию государственной практики и *opinio juris* в отношении прочих норм. В случае если, несмотря на это, составление списка будет сочтено необходимым, правительство оратора предлагает дополнить его ссылкой на комментарии к статьям 26 и 40 об ответственности государств за международно-противоправные деяния, содержащие исчерпывающие перечни императивных норм.

34. Область применения норм *jus cogens* ни в коем случае не должна ограничиваться правом международных договоров: следует также учитывать императивный характер нормы, например в контексте юрисдикции и иммунитетов, а также соответствующие нормы, изложенные в статьях об ответственности государств.

35. Что касается следующих шагов, второй доклад на эту тему (A/CN.4/706) показал, что практика определения норм *jus cogens* различными судами и трибуналами неоднородна. Тем не менее вопрос о том, что происходит, в случае если определенная норма стоит выше по иерархии, чем какая-то другая, остался нерешенным. Кроме того, недопустимость отклонений не просто является следствием статуса *jus cogens* — это также характеристика, поскольку норма, отклонения от которой возможны, не может иметь статус *jus cogens*. Первостепенным вопросом должна быть не возможность отказаться от соблюдения нормы *jus cogens*, а влияние статуса *jus cogens* на оценку ответственности за поведение государства и наличие норм, обосновывающих такое поведение. Правительство оратора отметило скудость государственной практики по этому вопросу и соответственно призывает Комиссию провести анализ того, как на практике государства и национальные суды решают вопрос об оценке весомости норм *jus cogens* в сравнении с другими применимыми нормами.

36. Обращаясь к теме правопреемства государств в отношении ответственности государств, она говорит, что Нидерланды не считают, что надлежащим итогом работы по этой теме будут проекты статей с

комментариями к ним: более целесообразно составить свод принципов или руководящих положений, который должен быть основан на главном принципе правопреемства и ответственности государств, который заключается в том, что в случае распада или объединения с упразднением ранее существовавшего государства, или в случае отделения с сохранением государства-предшественника не должно возникать вакуума с точки зрения ответственности государств. Переход или непереход обязательств или прав в конкретных случаях правопреемства необходимо доказывать отдельно в каждом конкретном случае и рассматривать в соглашении о правопреемстве. В этой связи правительство оратора одобряет предложение Специального докладчика придавать первостепенное значение заключению соглашений между заинтересованными государствами. Государственная практика и прецедентное право указывают на то, что государство-предшественник обычно осознает необходимость не допустить создания вакуума с точки зрения ответственности государства, в том числе посредством заключения соглашений между государствами. Учитывая то, что вопросы правопреемства государств требуют деликатного обращения, а также то, что государствам необходимо предоставить известную гибкость для обсуждения условий правопреемства, принципы и руководящие положения должны носить вспомогательный характер, предлагая образец, по которому может быть заключено соглашение.

37. Что касается темы защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами, несмотря на то, что правительство оратора приняло к сведению заявление Рабочей группы о важности завершения работы над темой, оно хотело бы повторить высказанную в 2014 году, после рассмотрения предварительного доклада Специального докладчика, мысль о том, что основной задачей исследования является уточнение существующих норм и принципов международного экологического права в связи с вооруженными конфликтами. Комиссии следует воздержаться от переосмысления признанных норм международного гуманитарного права. Отметив то, что Рабочая группа упоминала о проблеме комплементарности, оратор отмечает, что, несмотря на то, что изучить этот вопрос было бы излишним, Нидерланды предостерегают от дальнейшего расширения этой темы.

38. **Г-жа Бен Давид Герстман** (Израиль) говорит, что, в то время как понятие *jus cogens* существует несколько столетий, процесс приобретения нормой этого статуса по-прежнему неясен. В свете этой неопределенности Комиссии следует продолжать углубленно изучать эту тему, не расширяя ее, путем

продолжения работы над составлением проектов выводов и подготовкой соответствующего комментария. Что касается составления перечня норм, имеющих статус *jus cogens*, будь он иллюстративным или исчерпывающим, Израиль придерживается мнения о том, что до завершения работы над критериями идентификации норм *jus cogens* и последствий их применения это будет преждевременным, поскольку приведет, скорее, к путанице, чем к ясности и консенсусу.

39. Ввиду того, что нормы обычного права и *jus cogens* неразрывно связаны, Израиль рекомендует постоянно поддерживать диалог о работе над нормами *jus cogens* и над выявлением норм международного обычного права, для того чтобы обеспечить ее последовательность и согласованность, как в отношении концептуального подхода, так и в отношении используемых в рамках работы над каждой темой категорий и терминологии. На сегодняшний день принципы и терминологический словарь, использованные при составлении проектов выводов о нормах *jus cogens* и в схожих областях в контексте работы над выявлением норм международного обычного права, существенно отличаются.

40. Обращаясь к предложенным Специальным докладчиком проектам выводов, она говорит, что необходимо разъяснить разграничение критериев для идентификации норм *jus cogens*, сформулированных в проекте вывода 4, и описательными элементами, содержащимися в проекте вывода 3; нынешняя формулировка двух этих проектов выводов заставляет задуматься о существовании проекта вывода 3. Вызывает сомнения целесообразность включения описательных элементов, не носящих нормативного характера, присутствие которых в заключениях правового характера имеет неясные правовые последствия. В то же время Израиль поддерживает проведенное в проекте вывода 5 четкое разграничение источников права, которые могут служить основой для формирования норм *jus cogens*, таких как международное обычное право, и источников, которые могут лишь отражать такие нормы, как международное договорное право.

41. Что касается уровня принятия и признания, необходимого для квалификации нормы как нормы *jus cogens*, вопрос о котором разбирается в проекте вывода 7, делегация оратора согласна с тем, что нынешняя формулировка не вполне продумана и не отражает текущую методологию такой квалификации; более того, норма должна быть принята «практически всеми» государствами, а не их «значительным большинством».

42. Озвученное ею ранее замечание относительно необходимости обеспечения последовательности работы над выявлением норм международного обычного права приобретает особое значение при рассмотрении проекта вывода 9. Требования к свидетельствам, используемым для обоснования квалификации нормы в качестве нормы *jus cogens*, значительно выше, чем требования к материалам, обосновывающим нормы обычного права, которые строгими сами по себе. Если в качестве свидетельства существования императивных норм используются договоры, то свидетельства принятия могут содержать лишь те, что приняты практически всеми государствами. Неверно использовать в качестве свидетельств политические резолюции международных организаций и решения национальных судов, и Израиль рекомендует удалить это положение из проектов выводов.

43. Учитывая реалии современных государств, Израиль сомневается в необходимости изучения темы правопреемства государств в отношении ответственности государств. Несмотря на то, что проект находится на начальном этапе и пока слишком рано говорить о его окончательной форме, любой итоговый материал проекта будет иметь вспомогательный характер в сравнении с соглашениями между государствами в условиях конкретной ситуации правопреемства.

44. Что касается проектов статей, делегация оратора разделяет опасения некоторых членов Комиссии относительно избыточности пункта 4 статьи 3 и пункта 3 статьи 4, в которых лишь повторяется тот факт, что существующие соглашения регулируются нормами международного права. Израиль согласен с теми, кто выступает за то, чтобы на данном этапе Редакционному комитету были переданы только проекты статей 1 и 2, а обсуждение проектов статей 3 и 4 было продолжено.

45. **Г-жа Мусавинеджад** (Исламская Республика Иран) говорит, что во втором докладе, посвященном нормам *jus cogens* (A/CN.4/706), сообщается о том, что совокупность критериев для идентификации норм *jus cogens* основана на положениях статьи 53 Венской конвенции 1969 года, однако ничего не говорится о том, кто определяет тот факт, что критерии соблюдены. Возможно, заполнить эту лакуну можно с помощью решения, предложенного статьей 66 (а) Венской конвенции 1969 года, в которой Международный Суд признается основным компетентным органом в отношении урегулирования споров о применении или толковании норм *jus cogens*. В пункте 125 решения Международного Суда от февраля 2006 года по делу *Armed Activities on the Territory of*

the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Rwanda) («Вооруженные действия на территории Конго» («Демократическая Республика Конго против Руанды»)), Суд указал, что нормы, содержащиеся в статье 66 Венской конвенции, не имеют характера норм международного обычного права. Помимо этого, несколько государств, присоединившись к Конвенции, приняли оговорки к этой статье.

46. Согласно пункту 31 доклада, под критериями для отнесения международно-правовых норм к *jus cogens* имеются в виду такие элементы, которые должны наличествовать, прежде чем какое-либо правило или принцип можно будет назвать нормой *jus cogens*. Следовательно, недопустимость отклонений не может быть признана в качестве критерия для идентификации нормы *jus cogens*, так как она является следствием ее существования. Как подтвердил в своем замечании общего порядка № 29 Комитет по правам человека, перечисление положений, отклонение от которых недопустимо, связано с вопросом о том, носят ли некоторые обязательства в области прав человека характер императивных норм общего международного права, но не идентично ему. Более того, категория императивных норм шире, чем не допускающие отступлений положения, перечисленные в пункте 2 статьи 4 Международного пакта о гражданских и политических правах.

47. Делегация оратора одобряет новое название темы, поскольку оно основано на положениях Венской конвенции 1969 года. Делегация оратора по-прежнему считает, что рассмотрение идеи составления перечня норм *jus cogens* должно быть продолжено. Если в конечном счете такой перечень будет составлен, во главу этого перечня следует поместить ссылку на статью 52 Венской конвенции 1969 года, касающуюся признания договора ничтожным, если его заключение явилось результатом принуждения государства посредством угрозы силой или ее применения. Статью 52 следует рассматривать в совокупности со статьей 53 с точки зрения признания договора ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права.

48. Делегация оратора придерживается мнения о том, что в случае противоречий между нормами *jus cogens* и обязательствами, принятыми в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, преимущественную силу имеют нормы *jus cogens*. Обязательства, возложенные на государство Уставом Организации Объединенных Наций, имеют преимущественную силу только в том случае, если они противоречат обязательствам по какому-либо другому

международному соглашению, как предусмотрено статьей 103 Устава.

49. Упоминалось, что некоторые суды квалифицируют определенные нормы как региональные нормы *jus cogens* в целях сохранения общественного порядка в соответствующем географическом регионе. Однако, если следовать статье 53 Венской конвенции 1969 года, основной причиной признания императивной нормы общего международного права является то, что такая норма принимается и признается международным сообществом государств в целом. Очевидно, что понятие региональных норм *jus cogens* вряд ли может быть выведено с применением этого критерия.

50. Что касается предложенных Специальным докладчиком проектов выводов, оратор говорит, что в отношении пункта 2 проекта вывода 7, касающегося требования принятия и признания нормы значительным большинством государств, делегация оратора одобряет формулировку «очень значительное большинство» государств, представляющих основные формы цивилизации и правовые системы мира. Она также соглашается с тем, что проекты выводов 6 и 8 должны быть объединены, поскольку проект вывода 8 повторяет содержание проекта вывода 6 в иной формулировке.

51. Что касается проекта вывода 4, термин «*démontrer*» в тексте, составленном на французском языке, не является верным эквивалентом английского термина «*establish*», поскольку определяет другой предельный уровень; в связи с этим оратор предлагает использовать термин «*établir*» для устранения расхождений между этими языковыми вариантами.

52. Обращаясь к теме «Правопреемство государств в отношении ответственности государств», она говорит, что ввиду ограниченности государственной практики и незначительного числа случаев правопреемства, вывод о том, что традиционная норма отсутствия правопреемства изменилась, звучит неубедительно. Если Специальный докладчик придерживается иной точки зрения, следует представить более обширные опорные материалы и обоснование.

53. Делегация оратора согласна с мнением Специального докладчика относительно того, что в целом соглашение между соответствующими государствами должно превалировать над вспомогательными общими нормами о правопреемстве. При рассмотрении этой темы следует рассматривать только те соглашения, которые были заключены государствами в соответствии с действующими нормами

международного права договоров после даты правопреемства. Нормы, регулирующие правопреемство государств, не должны затрагивать права и обязательства движений за освобождение государств, находящихся под иностранной оккупацией, положение которых после обретения независимости сопоставимо с положением стран, образованных с чистого листа. В условиях длительной незаконной иностранной оккупации любую ответственность, происходящую из противоправного деяния оккупирующей державы, должно всегда нести оккупирующее государство, а не его государство-преемник, даже после завершения оккупации. Это логически следует из признанного принципа международного права, который гласит *ex injuria jus non oritur*.

54. Делегация оратора поддерживает предложение исключить пункт е) проекта статьи 2, в котором представлено определение «международной ответственности», учитывая то, что такое положение не содержится ни в статьях об ответственности государств, ни в статьях об ответственности международных организаций.

55. Что касается пункта 2 проекта статьи 4 об односторонних заявлениях, она отмечает, что статья не включает все правовые требования к односторонним заявлениям — Специальному докладчику следует обратиться к руководящим принципам, принятым Комиссией в 2006 году.

56. Что касается окончательного оформления результата работы Комиссии над темой, делегация оратора не уверена в том, что итоги этой работы стоит оформлять в виде проекта статей. В прошлом государства предпочитали урегулировать споры о правопреемстве путем заключения двусторонних соглашений. В этой связи оратор склоняется к тому, чтобы согласиться с некоторыми членами Комиссии, считающими, что проект руководящих положений будет более уместной формой.

57. Что касается материалов, подготовленных по теме правопреемства государств в отношении ответственности государств неправительственными организациями, такими как Институт международного права и Ассоциация международного права, она говорит, что, по всей видимости, у Комиссии есть два варианта: сосредоточиться на нормах, отражающих *lex lata*, в уже проделанной работе, что ставит вопрос о ценности и новизне итоговых результатов, или считать проделанную работу отправной точкой.

58. **Г-н Тхатхонг** (Таиланд), выступая на тему императивных норм общего международного права (*jus cogens*), говорит, что, несмотря на то, что использо-

вание определения *jus cogens*, содержащегося в статье 53 Венской конвенции, в качестве основы для проведенного анализа заслуживает одобрения, особенно если учесть то обстоятельство, что это наиболее часто используемое определение норм *jus cogens*, оно действует постольку, «поскольку это касается настоящей Конвенции», и является частью международного договора. В этой связи при толковании этого определения следует придерживаться правил, предусмотренных в статьях 31—32 Венской конвенции.

59. Что касается вопроса о составлении иллюстративного перечня норм, которые могут быть квалифицированы как нормы *jus cogens*, Таиланд считает, что составление такого перечня может воспрепятствовать развитию норм *jus cogens*, имеющих динамичную и изменчивую природу. Что касается значения формулировки «международное сообщество государств в целом», пункт 3 проекта вывода 7 предусматривает, что для квалификации нормы в качестве нормы *jus cogens* достаточно принятия и признания значительным большинством государств, а принятие и признание всеми государствами не требуется. Однако в ходе обсуждения статьи 53 Венской конвенции существовала некоторая неопределенность относительно фразы «в целом». Некоторые государства голосовали против статьи 53 именно потому, что значение этой фразы было неясным. По мнению делегации оратора, пункт 3 проекта вывода 7 не отражает значение, которое подразумевалось сторонами, обсуждавшими статью 53, а термин «в целом» обозначает гораздо большее число государств, чем «значительное большинство». В поддержку выводов Специального докладчика следует представить более конкретные свидетельства, основанные на государственной практике. Крайне важно не делать поспешных выводов в тех областях, где практика государств либо неясна, либо ограничена. В то же время Комиссии следует продолжать выявлять и оценивать изменения международного права, относящиеся к *jus cogens*, которые произошли после принятия Венской конвенции, для того чтобы сформировать понимание *jus cogens*, наиболее четко отражающее мотивы и практику всех государств.

60. Касаясь темы «Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами», он говорит, что причиненный вооруженными конфликтами окружающей среде ущерб может иметь разрушительные долгосрочные последствия и для экологического состояния Земли, и для средств к существованию человека, и способен уничтожить заработанные тяжелым трудом блага развития, на достижение ко-

торых ушли многие годы. Тем не менее предупреждению такого ущерба и смягчению его последствий уделяется немного внимания. В этой связи Таиланд с огромным интересом следит за развитием взаимосвязей международного экологического права и международного гуманитарного права. Активное взаимодействие с международными организациями, обладающими соответствующим опытом и знаниями, такими как Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде, Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры и Международный Комитет Красного Креста улучшит понимание экологических последствий вооруженных конфликтов и возможных надлежащих превентивных и восстановительных мер. Таиланд призывает Комиссию продолжать работу над уточнением проектов принципов и составлением проектов комментариев, которую следует вести оперативным образом.

61. **Г-н Воронков** (Беларусь), обращаясь к теме императивных норм общего международного права (*jus cogens*), говорит, что потребность в рассмотрении этих норм назрела очень давно. Повышение правовой ясности сведет к минимуму опасность злоупотреблений, учитывая проявляющуюся при толковании различными судебными органами международных договоров тревожную тенденцию заявлять, что нормы, содержащиеся в не получивших широкое признание договорах или не подкрепленные государственной практикой, представляют собой нормы *jus cogens*. Такого рода доводы, независимо от того, применяются ли они судебными институтами или государствами, тенденциозны и лишены малейших правовых оснований.

62. Работа над темой *jus cogens* должна вестись параллельно работе по выявлению норм международного обычного права. С этой целью желательно предложить рабочее определение общего международного права. Опираясь на критерии, изложенные в статье 53 Венской конвенции, его делегация считает, что понятие региональных норм *jus cogens* имеет право на существование только для тех государств, которые согласились с их применением; соответственно, такие нормы не могут иметь универсальное применение. Тем не менее было бы полезным найти примеры императивных норм регионального права и разработать методологию идентификации императивных норм в целом.

63. Обращаясь непосредственно к проектам выводов, он говорит, что идея включить в проект вывода 3 формулировку, которая присутствует в статьях об ответственности государств, представляется пер-

спективной, поскольку это позволит избежать подхода к идентификации норм с опорой на «основополагающие ценности». Даже если можно было бы составить единый список фундаментальных ценностей, такие ценности бы очень сильно различались — и по содержанию, и по их относительной значимости. Не оспаривая заявление о том, что нормы *jus cogens* отражают и защищают основополагающие ценности, он горячо поддерживает мнение Специального докладчика, состоящее в том, что этот элемент идентификации *jus cogens* является описательным, а не конститутивным элементом. Однако существует опасность, что введение таких элементов усложнит идентификацию норм *jus cogens* ввиду отсутствия согласия относительно того, что входит в «основополагающие ценности». Во избежание такой нежелательной двусмысленности, при включении описательных элементов должно быть проведено очень четкое, конкретное разграничение между конститутивными элементами и описательными.

64. Что касается проекта вывода 7, он напоминает о том, что несколько делегаций, включая его собственную, в ходе предыдущей сессии указывали на проблему взаимосвязи последовательного возражения и норм *jus cogens*. В то время как нормы *jus cogens* безоговорочно применяются ко всем без исключения государствам, роль последовательно возражающей стороны в формировании таких норм не вполне ясна. Следуя логике, норма не может быть универсально применима, в случае если она является предметом последовательного возражения, однако, согласно пункту 2 проекта вывода 7, принятие и признание всеми государствами не требуется для того, чтобы норма была квалифицирована в качестве нормы *jus cogens*.

65. Возможно Комиссия предпочитает применять тот же подход, который был использован на Венской конференции по праву договоров Редакционным комитетом, включившим в статью 53 положение о принятии и признании международным сообществом государств «в целом» для указания того, что никакое отдельно взятое государство не должно иметь права вето. По всей видимости, это исключает последовательно возражающую сторону из процесса формирования норм *jus cogens*. Однако даже этот пункт требует пояснений, поскольку, в случае если даже последовательное возражение государства не препятствует возникновению нормы *jus cogens*, то в этом случае такая норма в конечном счете будет иметь для такого государства обязательную силу, и это произойдет не только без его согласия, но и против его

четко выраженной воли. Такое положение дел не соответствует самой природе международного права и, в частности, противоречит принципу суверенного равенства государств, и этот вопрос должен быть рассмотрен Комиссией со всей тщательностью и осмотрительностью.

66. Формулировка пункта 4 проекта вывода 5 («Нормы *jus cogens* как нормы общего международного права») упрощает и искажает роль международных договоров в качестве источника норм *jus cogens*. В своем втором докладе (A/CN.4/706) Специальный докладчик тщательно проследил связи между международным обычным правом и международным договорным правом. Действительно, международный договор может отражать норму международного обычного права, способствовать ее кристаллизации и служить основой для ее формирования. Тем не менее в пункте 4 освещается только один этот аспект: то, что договорное положение может отражать норму общего международного права, способную подняться до уровня международно-правовой нормы *jus cogens*. Хотя Комиссия нередко настаивает на том, что составленные ею тексты необходимо читать в совокупности с комментариями к ним, о такой важной связи, как связь между международным обычным правом и международным договорным правом, должно быть четко сказано в самом тексте.

67. Обращаясь к проекту вывода 8, он предложил упорядочить применение терминов «принятие и признание» и разъяснить связь между принятием и признанием. Это тем более важно ввиду указания Комиссией в связи с рассмотрением темы выявления международного обычного права на то, что субъективный элемент международного обычного права относится к правосознанию, а не к формальному согласию. Идею «формального согласия» лучше всего передает «принятие» («acceptance»), в то время как «правосознание» наиболее близко передается термином «признание» («recognition»). Варианты, использованные для перевода на русский язык терминов «acceptance» («принятие») и «recognition» («признание»), не соответствуют тому смыслу, который вкладывается в них в английской и французской версиях.

68. Что касается проекта вывода 9, он соглашается с тем, что регулярное осуждение определенного поведения и единодушное принятие резолюций международными организациями может служить в качестве свидетельств существования норм *jus cogens*. С другой стороны, резолюции и заявления международных организаций не могут быть источниками норм права, включая нормы *jus cogens*, несмотря на то, что могут способствовать их идентификации. В этой связи он одобряет мнения некоторых членов

Комиссии, считающих неверным утверждать, что решения судов и трибуналов являются свидетельством признания нормы в качестве *jus cogens*, поскольку они существуют как вспомогательное средство для идентификации норм *jus cogens*. Формулировка пунктов 3 и 4 проекта вывода должна быть скорректирована соответственно. Наконец, важно включить в проекты выводов несколько конкретных характеристик норм *jus cogens*, которые упростят их идентификацию, включая то, что такая норма может быть изменена только последующей нормой *jus cogens*.

69. Обращаясь к теме правопреемства государств в отношении ответственности государств, он говорит, что его делегация одобряет основную цель работы Комиссии, которая состоит в том, чтобы прояснить вопрос о том, существуют ли нормы международного права, регулирующие как передачу обязательств, так и передачу прав, вытекающих из ответственности государств за международно-противоправные деяния. Формат проектов статей с комментариями будет оптимальным для обеспечения согласованности в работе Комиссии. С точки зрения методологии следует уделять максимум внимания анализу существующей практики.

70. Его делегация склонна одобрить вывод Специального докладчика о том, что современное международное право не поддерживает общего правила недопустимости правопреемства в отношении ответственности государств. Возможно, этот тезис был актуален в контексте деколонизации (*tabula rasa*), но не сегодня. Отказ государства-преемника от какой-либо ответственности за международно-противоправные деяния государства-предшественника не соответствует принципу верховенства права в международных отношениях и может повлечь за собой отказ других государств, особенно пострадавших от таких деяний, от ответственности в отношении государства-преемника. Права и преимущества, которые государство-преемник получает вследствие правопреемства, должны сопровождаться международной ответственностью.

71. Делегация оратора поддерживает изучение того, как правопреемство государств связано с международными организациями и ответственностью государств в отношении деяний международных организаций, прекративших свое существование. Выявить тенденции в этой области будет непросто, и в основном эта задача будет связана с прогрессивным развитием международного права. Итогом работы Комиссии должны стать нормы, которые будут применяться и уточняться соответствующими государствами в отсутствие специального соглашения

между государством-предшественником и государством-преемником.

72. Помимо изучения международной практики, полезно будет понять, как могут применяться аналогии, существующие в национальном законодательстве, — такие как уступка, долги, ответственность за причинение ущерба и так далее. Важно напомнить о том, что в отсутствие универсальных правил в этой области при рассмотрении вопроса о признании государства следует учитывать, готово ли государство-преемник принять обязательства государства-предшественника. На нынешнем этапе работы также необходимо составить классификацию международно-противоправных деяний.

73. Что касается проектов статей, предложенных Специальным докладчиком, оратор согласен с членами Комиссии, предложившими дополнить положение о сфере применения статьи 1 формулировкой «в отношении прав и обязательств, вытекающих из международно-противоправного деяния», поскольку это обеспечит большую адресность сферы охвата данной темы. Это также упростит работу над текстом. Что касается возможного изучения вопроса о правопреемстве правительств, включая вопрос о правомерности или неправомерности правопреемства как такового по международному праву, он говорит, что, несмотря на то, что эта задача будет сложной и деликатной, его делегация полностью поддерживает рассмотрение этих вопросов, поскольку сегодня они имеют первостепенное значение.

74. В проекте статьи 2 («Употребление терминов») следует привести определения всех терминов, которые будут использованы в проектах статей.

75. Что касается проекта статьи 3 («Релевантность соглашений о правопреемстве государств в отношении ответственности»), он хотел бы понять логику включения пунктов 1—2. Соглашения о правопреемстве представляют собой наиболее подходящий и желательный вариант для заинтересованных государств, и они должны быть охвачены нормами, изложенным в разделе 4 («Договоры и третьи государства») Венской конвенции. Как минимум, следует пересмотреть пункт 1 проекта статьи 3, исходя из понимания, что в отсутствие возражений третьих государств, обладающих соответствующими правами, обязательства государства-предшественника передаются государству-преемнику на основании соглашения о правопреемстве. В пункте 4 следует указать, что соглашения между государствами о правопреемстве регулируются статьями 34—36 Венской

конвенции, с должным учетом особенностей правовых систем соответствующих государств и их статуса как субъектов права.

76. Беларусь поддерживает проект статьи 4 («Одностороннее заявление государства-преемника»), хотя и считает, что, возможно, формулировку пункта 2 можно было бы упростить. Ссылка в комментарии на работу Комиссии над односторонними актами будет способствовать применению систематического подхода к проектам статей и их принятию.

77. **Г-жа Пюршель** (Германия), касаясь темы императивных норм общего международного права (*jus cogens*), говорит, что ее делегация разделяет опасения, высказанные другими государствами, относительно отсутствия соответствующей практики государств. Германия выступает за взвешенный подход.

78. Что касается проектов выводов, одобренных в предварительном порядке Редакционным комитетом, Германия соглашается с общим доводом проекта вывода 5: в первую очередь основой для формирования *jus cogens* является международное обычное право, а не международное договорное право или другие источники, квалифицированные как международное общее право и, таким образом, формирующие основу для *jus cogens*. Договорные нормы могут лишь отражать императивные нормы общего международного права, однако эта мысль недостаточно хорошо передана в проекте вывода; следует уточнить формулировку проекта вывода или пояснить это в комментарии.

79. Что касается прочих критериев идентификации *jus cogens*, а именно принятия и признания международным сообществом государств в целом того факта, что отклонения от нормы недопустимы, она говорит, что в свете того, какие серьезные последствия влечет за собой квалификация нормы в качестве нормы *jus cogens*, следует обеспечить применение высочайших стандартов. Германия одобряет включение в проект вывода 7 уточнения о необходимости принятия и признания «очень значительным большинством» государств для идентификации нормы общего международного права в качестве императивной нормы. Однако эта фраза по-прежнему может толковаться слишком широко, и рекомендуется дополнительно разъяснить ее в комментарии. Как отмечала Германия в ходе прений о работе Комиссии по выявлению международного обычного права, отсутствие конкретной реакции государства на провозглашение другими государствами определенной нормы нормой *jus cogens* указывает на принятие нормы только в том случае, если обстоятельства требовали какой-либо реакции.

80. Что касается вопроса об упоминании в проектах выводов региональных норм *jus cogens*, Германия не считает, что Комиссии необходимо работать над этим вопросом на данном этапе проекта.

81. Комментируя проект вывода 9, оратор говорит, что Германия придает огромное значение вкладу Комиссии в определение и прогрессивное развитие международного права и ценит ее работу за выдающееся качество. Тем не менее прямое упоминание работы Комиссии в проекте вывода представляется сомнительным. Это также не соответствует тексту выводов Комиссии по теме «Выявление международного обычного права», где работа Комиссии упоминается только в комментарии.

82. Наконец, Германия не считает, что Комиссии следует браться за непомерно сложную задачу составления иллюстративного перечня норм, приобретших статус *jus cogens*. Даже если этот перечень будет исключительно иллюстративным, он может послужить источником неверных выводов и создать риск установления статус-кво, который будет препятствовать развитию *jus cogens* в будущем.

83. *Г-н Гафур (Сингапур) занимает место Председателя.*

84. **Г-жа Хорнячкова (Чехия)** говорит, что нормы *jus cogens* возникают только на основании согласия государств и только тогда, когда международное сообщество государств в целом относит их к императивным нормам. Поэтому Чехия одобряет пункт 1 проекта вывода 5, одобренный в предварительном порядке Редакционным комитетом, в котором говорится, что «основой для формирования международно-правовых норм *jus cogens* чаще всего является международное обычное право»; однако Чехия сомневается в том, что договорные положения и общие принципы права могут также служить основой для формирования императивных норм общего международного права, как указано в пункте 2.

85. Обращаясь к теме «Правопреемство государств в отношении ответственности государств», она говорит, что настало время критически переосмыслить старую догму, согласно которой с момента правопреемства призвать к ответственности за международно-противоправное деяние, совершенное государством-предшественником или в его отношении, было невозможно. Такой подход, который часто встречается в традиционных материалах и который по-прежнему поддерживается, был основан главным образом на понимании ответственности государств, которое существенно отличалось от концептуальных основ статей Комиссии об ответственности государств за международно-противоправные деяния.

Кроме того, идея о том, что в случае правопреемства государство не всегда начинает с чистого листа в том, что касается обязательств по международным договорам и долгам, уже давно является общепринятой. В связи с этим возникает вопрос, почему правопреемство должно отменять все последствия международно-противоправных деяний.

86. Делегация оратора согласна со Специальным докладчиком в том, что современное международное право не препятствует передаче вторичных прав и вторичных обязательств, возникающих в связи с международно-противоправными деяниями государства, и призывает его рассмотреть возможность составления общего положения, в котором бы излагался этот тезис. Это, разумеется, будет только первым шагом на пути к решению более сложной задачи — поиска ответов на вопросы о том, возникают ли конкретные нормы международного права, подкрепляющие переход вторичных обязательств или прав, возникающих в связи с международно-противоправными деяниями государств, в ситуации правопреемства государств и существуют ли перспективы их прогрессивного развития и кодификации.

87. Что касается проекта статьи 1 («Сфера применения»), предложенного Специальным докладчиком, оратор говорит, что ее делегация удовлетворена содержанием статьи. В свете взаимосвязи между настоящей темой и предыдущей работой Комиссии над темой правопреемства государств и государственной ответственности Чехия также согласна с необходимостью использовать по существу тождественные определения. Это важно для правильного понимания различных документов и их взаимосвязи, а также является условием обеспечения согласованности результатов работы Комиссии над текущей темой и предыдущей работы над смежными темами.

88. Она с одобрением отметила проект статьи 2 («Употребление терминов»), в котором дословно излагаются самые важные определения Венских конвенций 1978 и 1983 годов о правопреемстве государств. В отличие от упомянутых конвенций, предложенные Комиссией статьи об ответственности государств не содержат положения об употреблении терминов и, соответственно, не предлагают технического определения терминов «международная ответственность» и «ответственность государства». Таким образом, решение исключить определение термина «международная ответственность» из проекта статьи 2 было правильным. Комиссия может упростить работу с учетом того, что вопрос об ответственности государств за международно-противоправные деяния уже рассматривался в статьях 2001 года об ответственности государств.

89. Рассуждая о направлении будущей работы, она говорит, что, в то время как следует учитывать особенности различных типов правопреемства государств, таких как передача части территории, отделение, распад, объединение и создание нового независимого государства, структура проектов статей не должна точно воспроизводить структуру Венских конвенций 1978 и 1983 годов. Скорее, структура статей должна определяться различными элементами ответственности государств: например, как вписать в контекст правопреемства положения об ответственности государств по реституции, компенсации или удовлетворению требований; как они будут применяться в отношении государства или государств-преемников и в ситуации, когда государство-предшественник не прекращает свое существование, однако способами получения реституции или компенсации может воспользоваться только государство-преемник либо требуются совместные действия государства-предшественника и государства-преемника или двух и более государств-преемников. Комиссии также следует изучить, возникают ли между государствами-преемниками или государством-предшественником и государством или государствами-преемниками обязательства по компенсации, в случае если одно из государств полностью унаследовало вторичное обязательство (например, обязательство по реституции) в отношении потерпевшего государства, и если возникают, то при каких условиях. Похожий перечень вопросов возникает в ситуации, когда государство-предшественник является жертвой международно-противоправного деяния другого государства.

90. Наконец, обращаясь к теме «Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами», она отмечает, что Комиссия не включала эту тему в свою программу работы в целях прогрессивного развития и кодификации и никогда не заявляла о своем намерении разработать имеющий обязательную юридическую силу документ. В случае если понадобится внести изменения в действующие соглашения, этой задачей должны заниматься, в соответствующих случаях, государства — стороны таких соглашений, а не Комиссия. В случае если Комиссия намеревается продолжать работу над сводом принципов или норм, содержащихся в действующих правовых документах, регулирующих защиту окружающей среды и применимых в условиях вооруженных конфликтов, ей следует разъяснить, какую пользу принесет эта работа и, в частности, как обычная компиляция положений действующих правовых документов может «улучшить» защиту окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами, как предусмат-

ривается проектом принципа 2. Следует также должным образом учесть риски, проистекающие из составления выборочной или неполной компиляции.

91. **Г-н Хитти** (Ливан) говорит, что почти 70 лет Комиссия работает над разъяснением различных аспектов международного права и некоторые документы, ставшие итогом этой работы, используются многими государствами в качестве ценного источника руководящих указаний. Необходимо следить за тем, чтобы возложенный на Комиссию объем работы не превышал ее возможностей.

92. Что касается защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами, он напомнил о позиции своей делегации, которая состоит в том, что должны быть изучены следующие темы: ответственность и обязательства по возмещению ущерба; применение принципов соразмерности и должной осмотрительности в контексте защиты окружающей среды; гуманитарные последствия влияния вооруженных конфликтов на окружающую среду; и защита окружающей среды в условиях оккупации.

93. **Г-н Син Сонъиль Хо** (Республика Корея), комментируя вопрос о правопреемстве государств в отношении ответственности государств, говорит, что его делегация признаёт необходимость согласования работы над этой темой с предыдущей работой Комиссией над смежными областями ответственности и правопреемства, ожидая при этом, что работа над текущей темой позволит заполнить некоторые пробелы, оставшиеся в тех областях. Что касается проекта статей, предложенных Специальным докладчиком, делегация оратора поддерживает решение Комиссии исключить вопросы международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом, из проекта статьи 1 («Сфера действия») и ограничить тему вопросом преемственности в отношении ответственности по обязательствам и правам, связанным с международно-противоправными деяниями.

94. Касательно проекта статьи 2 («Употребление терминов»), делегация оратора отмечает согласованность формулировок с Венскими конвенциями 1978 и 1983 годов о правопреемстве государств. Определения терминов, приведенные в пунктах a)–d) проекта статьи 2, а именно «правопреемство государств», «государство-предшественник», «государство-преемник» и «момент правопреемства государств» полностью повторяют определения, использованные в пунктах b)–e) статьи 2 Венской конвенции 1978 года.

95. Для будущей работы над темой представляется крайне важным определить, существуют ли общие

правила правопреемства государств, особенно для различных видов правопреемства. Могут быть применены два подхода. Первый — определить, основываясь на традиционном правиле недопустимости правопреемства, ситуации, в которых, в порядке исключения, обязательства и права государства-предшественника передаются государству-преемнику. Второй подход заключается в том, чтобы, отказавшись от общего правила недопустимости правопреемства, попытаться найти общее правило, действующее в случае разных типов правопреемства государств. Комиссии следует подробно рассмотреть этот вопрос на своей следующей сессии.

96. Составление классификации типов правопреемства государств — непростая задача. В Венских конвенциях о правопреемстве государств 1978 и 1983 годов говорится о «uniting of States» («объединение государств»), в то время как в проектах статей о гражданстве физических лиц в связи с правопреемством государств, принятых Комиссией в 1999 году, эта категория была названа «unification of States» (в русской версии — «объединение государств»). Делегация оратора также отмечает, что в проекте резолюции по тому же вопросу, принятому Институтом международного права, идет речь о слиянии государств и вхождении одного государства в состав другого государства, а исчерпывающая формулировка «объединение государств» не используется.

97. **Г-н Шен** (Турция), обращаясь к теме императивных норм общего международного права, говорит, что его правительство по-прежнему не уверено, что данная концепция нуждается в кодификации или прогрессивном развитии. Специальный докладчик изменил название темы, которая теперь называется «Императивные нормы общего международного права (jus cogens)», что в большей степени соответствует статье 53 Венской конвенции 1969 года. Турция не видит пользы в составлении перечня норм jus cogens, даже если он будет иллюстративным и исчерпывающим. Для Комиссии это станет пустой тратой времени, которое следовало бы потратить на работу над разработкой методологии по идентификации таких норм.

98. Что касается шести проектов выводов, предложенных Специальным докладчиком, делегация оратора считает, что критерии для квалификации норм в качестве jus cogens, перечисленные в проекте вывода 4, соответствуют статье 53 Венской конвенции. В проекте вывода 6 содержится простое повторение положений проекта вывода 4 в том смысле, что норма должна быть принята и признана междуна-

родным сообществом государств в целом, и этот проект вывода следует либо исключить, либо доработать. Пункт 2 проекта вывода 7 также следует исключить в целях обеспечения ясности пункта 1. Как указано в пункте 1, для квалификации норм в качестве jus cogens релевантным является принятие и признание сообществом государств в целом.

99. Касаясь темы правопреемства государств в отношении ответственности государств, он говорит, что несогласованные комментарии и наблюдения Специального докладчика, изложенные в первом докладе по этой теме, а также в докладе Комиссии Генеральной Ассамблеи, подтвердили опасения и сомнения его правительства, обусловленные сложностью этого предмета и его недостаточной проработанностью. Сложность проистекает из того обстоятельства, что данная тема состоит из двух компонентов, и оба пока не вполне устоялись в правовом и политическом контексте. Кроме того, отсутствует ясность в том, в какой степени эти вопросы регулируются или должны регулироваться международным правом, а в какой степени — определяются политикой. Таким образом, сама по себе тема не допускает обобщений или какой-либо упорядоченности. Теоретические разногласия между Специальным докладчиком и некоторыми государствами подтвердили свойственную политическим и правовым аспектам этой темы неопределенность.

100. Касаясь отсылки к первому докладу по итогам прежней работы Комиссии над темой правопреемства государств и государственной ответственности, оратор напоминает, что итог работы Комиссии над темой правопреемства государств не нашел широкой поддержки государств. В сущности, ввиду того, что государства длительное время не поддерживали статьи о гражданстве физических лиц в связи с правопреемством государств, их принятие было отложено на неопределенный срок. То же касается Венской конвенции 1978 года, имеющей обязательную силу лишь для некоторых государств, и Венской конвенции 1983 года, не вступившей в силу. Таким образом, эти нормы еще не скоро утвердятся в качестве обычного права или общего международного права. Несмотря на то, что Специальный докладчик говорит об отсутствии универсальных правил в отношении правопреемства государств и утверждает, что имеется лишь несколько областей правовых отношений, в которых применяется концепция правопреемства государств, он предпочитает использовать основные термины и определения обеих конвенций, обосновывая это тем, что решение использовать некоторые термины и определения не означает, что все или

большинство норм, закрепленных в обеих Венских конвенциях, применимы к данной теме.

101. Нарисованная в первом докладе картина указывает на отсутствие согласованной практики государств, необходимой для кодификации. В этой связи делегация оратора сомневается в том, что заявленная Специальным докладчиком цель, включая прогрессивное развитие новых норм и кодификацию, может быть достигнута.

102. В отношении второго компонента темы, то есть ответственности государств за международно-противоправные деяния, основные понятия которой не утвердились в международном праве, также преобладает неопределенность. Статьи об ответственности государств 2001 года не могут использоваться в качестве единственной основы для кодификации новой области права. Следовательно, если Специальный докладчик намеревается выборочно использовать некоторые из этих статей, ему необходимо показать, что их содержание отражает широкое принятие государствами в конкретных случаях правоприменства государств.

103. Что касается предложения Специального докладчика использовать нормы «по умолчанию», оратор отмечает, что, учитывая то, как затянулось принятие статей о государственной ответственности 2001 года, его делегация не думает, что это получит широкую поддержку.

104. Обращаясь к теме защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами, он обращает внимание на важность обеспечения согласованности работы над этой темой, проведенной до настоящего момента, и той работы, которую будет вести в будущем новый Специальный докладчик. Делегация оратора желает успехов в завершении работы над этим важным аспектом международного права.

105. **Г-н Смит** (Соединенное Королевство) говорит, что работа Комиссии над темой императивных норм общего международного права (*jus cogens*) — это возможность предоставить разъяснения и оказать помощь специалистам-практикам, особенно сотрудникам национальных судов, занимающимся идентификацией и определением правовых последствий норм *jus cogens*. Основным направлением этой работы должна быть идентификация правил, определяющих формирование, действие и правовые последствия норм *jus cogens*. Определение процесса идентификации таких норм и значимости выявленных норм — непростая задача, связанная с разногласиями. В то время как комментаторы единодушны в отношении вопроса о существовании норм *jus cogens*,

во многих аспектах такого единодушия не наблюдается. Поэтому работа Комиссии над этой темой может как повлиять на методы регулирования действий международного сообщества, так и стать причиной разногласий. Основываясь на этом, Соединенное Королевство вновь подтверждает свою поддержку работы Комиссии над этой темой, но призывает работать с большой осторожностью.

106. Касаясь проектов выводов, он говорит, что его делегация по ряду причин не считает полезным проект вывода 2. Точно изложить в рамках проектов выводов лежащие в основе норм *jus cogens* принципы представляется нереалистичным. Это полемический и по существу теоретический вопрос, которого нет необходимости касаться даже в том ознакомительном формате, который был предложен. Нормы *jus cogens* вполне могут отражать и защищать основополагающие ценности международного сообщества и обладать иерархическим превосходством, однако проект вывода 2 не способствует пониманию и не предлагает технической помощи, которая будет иметь главную практическую ценность для государств и специалистов-практиков. Более того, необходимо четко разграничивать описательные элементы, с одной стороны, и критерии идентификации и ее последствия, с другой стороны. Смещение этих двух компонентов может быть расценено государствами как попытка изменить смысл и действие определений, изложенных в статье 53 Венской конвенции 1969 года.

107. Этот тезис был проиллюстрирован субъективным термином «основополагающие ценности» и сопутствующей терминологией. В пункте 22 своего второго доклада Специальный докладчик утверждает, что «защищают» ли нормы *jus cogens* основополагающие ценности или «отражают» их, значения не имеет. Несущественным также является встречающееся в источниках разграничение «основополагающих ценностей» и «основополагающих интересов». Общая тональность, как отмечает Специальный докладчик, одинакова. Соединенное Королевство согласно с этим доводом, однако необходимо не просто определить «общую тональность», а провести тщательный анализ, отражающий практику государств. Помимо этого, термин «основополагающие ценности» может либо размыть смысл конститутивных элементов *jus cogens*, либо ввести тот или иной дополнительный элемент, усложнив идентификацию норм *jus cogens*. Либо в конечном счете отрицательно повлиять на место *jus cogens* в международном правовом порядке или создать условия для злоупотреблений.

108. Поэтому включение описательного пункта, такого как проект вывода 2, связано с риском переноса настоящего проекта в плоскость чистой политики и недостижения консенсуса среди государств по практическим вопросам. Введение элементов, «описывающих и характеризующих» нормы *jus cogens*, может быть уместным в комментариях к проектам выводов, но введение таких элементов в проекты выводов не имеет практической ценности, а напротив, связано с рисками.

109. Что касается проекта вывода 5, оратор говорит, что его делегация приняла к сведению тот факт, что формулировка проекта вывода отражает содержание статьи 53 Венской конвенции 1969 года, в частности путем употребления слов «норма» и «общее международное право». В связи с этим делегация приветствует включение в долгосрочную программу работы Комиссии темы «Общие принципы права», что является дополнительной причиной с осторожностью работать над темой *jus cogens*, учитывая то, что эти две темы пересекаются и что может потребоваться обеспечить их согласованность.

110. Не все аспекты проектов выводов 6 и 7, касающихся процесса принятия и признания норм *jus cogens*, были разъяснены. В то время как международное обычное право должно подтверждаться государственной практикой, а также *opinio juris*, в проектах выводов не содержится схожего требования к идентификации норм *jus cogens*, обладающих иерархическим превосходством. Представляется странным, что в качестве основы для формирования норм *jus cogens*, имеющих более высокий статус в правовом порядке, применяются менее строгие критерии.

111. Аналогичным образом, критерий принятия и признания «международным сообществом государств в целом», как предусмотрено статьей 53 Венской конвенции, заменен размытым понятием «очень значительное большинство» государств. Хотя установить точное значение термина «международное сообщество государств в целом», вне всяких сомнений, непросто, использование слова «большинство», какими бы определениями оно ни сопровождалось, по всей видимости, указывает на нечто меньшее чем целое. В своем докладе Специальный докладчик называет статью 53 отправной точкой своей работы; однако Соединенное Королевство всегда считало, что в ходе этой работы не допускается отступать от приведенного в статье определения и что такая работа должна быть согласована с установленной этой статьей нормой.

112. Обращаясь к теме правопреемства государств в отношении ответственности государств, он отмечает, что государственной практики, которой могла бы руководствоваться Комиссия, крайне недостаточно. Государственная практика, о которой упоминает в своем докладе Специальный докладчик, в существенной степени зависит от контекста и требует особого подхода; кроме того, она должна трактоваться с учетом исторического, политического и культурного контекста. Она не указывает на явные тенденции универсального применения, а, скорее, иллюстрирует обратное. Правопреемство в отношении ответственности государств предполагает принятие стратегических, — а по сути политических — решений, которые касаются самоидентификации затронутых государств. Многие доводы Специального докладчика явно относятся к сфере разработки материальной политики или *lex ferenda*. Комиссии необходимо абсолютно четко понимать, занимается ли она определением *lex lata* или *lex ferenda*.

113. Соединенное Королевство по-прежнему готово обсуждать целесообразность работы над темой. Одним из вариантов может быть подготовка типовых положений, которые могут использоваться государствами в ситуации правопреемства в качестве отправной точки для определения пределов ответственности государств. Имеющие в большей степени директивный характер положения могут не получить одобрения государств.

114. Что касается темы защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами, Соединенное Королевство хотело бы напомнить о своих трех замечаниях, сделанных в ходе последнего рассмотрения Комиссией этой темы в 2016 году: Комиссии не следует заниматься модификацией права вооруженных конфликтов; в то время как подготовка не имеющих обязательной силы руководящих указаний или принципов может оказаться полезной, не ясно, есть ли необходимость в новых договорных положениях; в области защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами международное гуманитарное право имеет статус *lex specialis*.

115. Г-жа Ахмад (Малайзия) говорит, что, в то время как Малайзия одобряет работу Специального докладчика над разъяснением темы императивных норм общего международного права (*jus cogens*), она призывает его провести тщательный анализ статьи 53 Венской конвенции 1969 года, на которой основываются проекты выводов, поскольку элемент, касающийся изменения норм, предусмотренный этим положением, не был охвачен во втором докладе. Что касается проекта вывода 5 Малайзия считает, что относительно применения пункта 1 статьи 38 Статута

Международного Суда в качестве основы для определения норм *jus cogens* и относительно того, требуется ли признание нормы всем международным сообществом государств, нужны дополнительные разъяснения. Что касается проекта вывода 9, Малайзия хотела бы отметить, что использование работы экспертных органов и научных трудов в качестве вторичных средств идентификации нормы общего международного права в качестве нормы *jus cogens*, требует признания со стороны всего международного сообщества государств. Малайзия с нетерпением ожидает результатов работы Специального докладчика над доктриной последовательно возражающего государства и над применением норм *jus cogens* на региональном уровне или двусторонней основе.

116. Малайзия поддерживает включение в программу работы Комиссии темы правопреемства государств в отношении ответственности государств, поскольку это позволит заполнить пробелы в праве, касающемся правопреемства государств и ответственности государств, которые были оставлены для рассмотрения на более позднем этапе, после того как Комиссия завершила работу, приведшую к принятию Венских конвенций 1978 и 1983 годов о правопреемстве государств. Малайзия приветствует ограничение области работы над темой изучением передачи прав и обязательств, возникающих в связи с международно-противоправными деяниями государства, и исключение из программы работы вопросов международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенные международным правом, и вопросов ответственности международных организаций.

117. В своем докладе (A/CN.4/708) Специальный докладчик провел предварительный обзор государственной практики и достаточно подробно остановился на вопросе о наличии общего правила правопреемства или недопустимости правопреемства, однако не дал никакого конкретного ответа на этот вопрос. В этой связи важно четко понимать, существует ли общее правило, применимое к различным формам правопреемства государств в отношении прав и обязательств, возникающих в связи с ответственностью государств. Такая работа должна проводиться до изучения возможных исключений или исключающих оговорок, которые были представлены в проектах статей 3 и 4. Более того, рассматривая вопрос об общем принципе, регулирующем правопреемство государств в отношении ответственности государств, Специальный докладчик уделил больше внимания государственной практике в Европе, чем практике в других регионах. Что касается самого анализа, он представляется несоразмерным

важности этого ключевого вопроса. Для того чтобы всесторонне рассмотреть этот вопрос, необходимо проанализировать практику государств в неевропейских регионах и включить такой анализ в будущие доклады по данной теме.

118. В проекте статьи 1 разъясняется, что сфера применения проектов статей охватывает права и обязательства, возникающие в связи с международно-противоправными деяниями, в случае правопреемства государств. Следовательно, будущая работа над составлением проектов статей по этой теме должна быть ограничена этими заданными рамками. Что касается сферы применения, оратор напоминает, что, действуя на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций, Совет Безопасности учредил Международный трибунал по бывшей Югославии посредством принятия резолюций 808 (1993) и 827 (1993) и Международный трибунал по Руанде посредством принятия резолюции 955 (1994). В связи с этим Малайзия рекомендует Комиссии и Специальному докладчику подробно изучить роль Совета Безопасности в принятии мер в ответ на международно-противоправные деяния в соответствии с предоставленными ему Уставом полномочиями по поддержанию международного мира и безопасности, для того чтобы исключить дублирование работы Комиссии и предусмотренных уставом функций Совета Безопасности.

119. То, насколько важной является тема защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами, подтверждается неослабевающим интересом к этой теме со стороны государств-членов и международных органов, таких как Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде и Международный Комитет Красного Креста. Уже проделана значительная работа, однако вопрос об окончательном формате проектов принципов, посвященных этой теме, следует рассмотреть дополнительно на более позднем этапе. В этой связи оратор напоминает о позиции ее страны относительно структуры, сферы применения, употребления терминов и методологии изучения темы, а также о правах коренных народов, в соответствии с заявлением, сделанным в ходе рассмотрения Комиссией настоящей темы в рамках семьдесят первой сессии Генеральной Ассамблеи.

120. Малайзия ожидает дальнейшей работы над заполнением имеющихся в проектах принципов пробелов. Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами не должна рассматриваться исключительно сквозь призму права вооруженных конфликтов. Предусмотренные проектами принципов элементы защиты должны разъяснять вопросы

применения и взаимосвязи международного гуманитарного права, международного уголовного права, международного экологического права, международных стандартов в области прав человека и международного договорного права. С этой целью в процессе подготовки проектов принципов необходимо продолжать учитывать вопросы комплементарности с другими соответствующими отраслями международного права.

121. **Г-н Нгуен Нам Зыонг** (Вьетнам), обращаясь к теме императивных норм общего международного права, говорит, что такие нормы признаны и Венской конвенцией 1969 года, и внутренним законодательством многих государств. Несмотря на то, что законы его страны в отношении международных договоров, принятые в 2016 году, признают императивные нормы международного права, которые должны соблюдаться в ходе обсуждения международных договоров и их заключения, вопрос об идентификации таких норм остается неясным. В связи с этим Вьетнам призывает Комиссию продолжать изучение вопросов, связанных с нормами *jus cogens*, и в целом соглашается с проектами выводов 4 и 5, представленными в докладе Комиссии по этой теме (A/72/10).

122. Что касается темы правопреемства государств в отношении ответственности государств, он говорит, что это сложный вопрос, по которому недостаточно фактической практики международного сообщества. Во время изучения этой темы необходимо учитывать широкий спектр вопросов, таких как ответственность в отношении международных организаций; ответственность за противоправные деяния, не нарушающие положения международного права, такие как экспроприация, реквизиция и конфискация; а также ситуацию одновременного существования государства-предшественника и государства-преемника. По мнению правительственного оратора, принцип недопустимости правопреемства является преобладающим, ввиду того, что обратное не подтверждается достаточной государственной практикой и прецедентным правом, а ситуации передачи ответственности в результате правопреемства следует считать исключениями из этого правила.

123. Касаясь темы защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами, он говорит, что, независимо от намерений воюющих сторон, вооруженные конфликты оказывают серьезное долгосрочное влияние не только на население, но и на состояние земель, воздуха, воды и экосистемы в целом. Спустя десятилетия во Вьетнаме по-прежнему отчетливо ощущаются последствия военных действий, повлиявшие на окружающую среду, и то же касается всех вооруженных конфликтов по всему миру. В этой

связи его страна горячо поддерживает продолжение работы над этой темой в целях определения ответственности государств за ликвидацию пережитков войны, особенно наносящих ущерб окружающей среде. Исследовательская работа Комиссии должна дополнять существующее международное право по защите окружающей среды и нормы, регулирующие вооруженные конфликты, в частности Женевские конвенции и дополнительные протоколы к ним.

124. **Г-н Селарье Ландаверде** (Сальвадор), обращаясь к теме императивных норм общего международного права (*jus cogens*), говорит, что исследование исторических основ этих норм, которое ведется с начала работы над темой, способствует выработке критериев идентификации норм *jus cogens* с использованием в качестве отправной точки Венской конвенции 1969 года. Рассматривая проекты выводов, предложенные Специальным докладчиком, он говорит, что критерии, предложенные, например, в проектах выводов 5 и 6, основаны не только на согласии; само существование норм *jus cogens* предполагает существенные ограничения правомерности согласия по международному праву, поскольку они предназначены для отражения важнейших коллективных интересов, защита которых влечет за собой требование иерархического превосходства, которое, в свою очередь, обуславливает недопустимость отступлений от таких норм. Необходимо дополнительно рассмотреть отсылку к общим принципам права, содержащуюся в пункте 3 проекта вывода 5: в то время как общие принципы права, вне всяких сомнений, играют важную роль в обеспечении исполнения международных обязательств и исключать их из перечня возможных конститутивных элементов норм *jus cogens* не следует, относительно применения этих принципов нет единого мнения. В пункте 2 проекта выводов 7 термин «отношение» следует заменить термином «убеждения», который лучше отражает тот факт, что одной из основ формирования *jus cogens* является международное обычное право. Что касается проекта вывода 8, делегация оратора соглашается с тем, что Специальному докладчику следует изучить вопрос об уступке в качестве формы принятия и признания императивной нормы *jus cogens*. И наконец, составление иллюстративного перечня норм будет чрезвычайно полезным для дальнейшего изучения темы.

125. Касаясь сложной темы правопреемства государств в отношении ответственности государств, по которой непросто будет найти решения, приемлемые для всех государств, он говорит, что одной из трудностей является традиционная доктрина о недопу-

стимости правопреемства, согласно которой ответственность ни при каких обстоятельствах не переходит к государству-преемнику. В этой связи представляется целесообразным провести критический анализ последствий правопреемства государств в отношении ответственности государств за международно-противоправные деяния. Будет также полезным составить проекты статей на эту тему, как это было сделано в ходе работы над темой правопреемства государств в отношении договоров и в экономической сфере. В целях четкого разъяснения правовых последствий, которые может повлечь за собой правопреемство, в частности в ситуациях сохранения или утраты затронутыми государствами международной правосубъектности, необходимо принимать во внимание различные формы правопреемства государств.

126. Что касается проектов статей, предложенных Специальным докладчиком в его первом докладе, определение «правопреемство государств» в проекте статьи 2 а) не содержит описания правовых средств, с помощью которых происходит смена в несении ответственности за международные отношения применительно к территории, являющейся объектом правопреемства государств. Одной из важнейших характеристик правопреемства государств является то, что такая смена в несении ответственности происходит законным и мирным путем, и это должно быть как минимум упомянуто в комментарии. В целях обеспечения согласованности с предыдущей работой Комиссии в проекте статьи 2 е) или комментарии к нему следует привести перечень конститутивных элементов международно-противоправного деяния государств, а именно: поведение, состоящее в действии или бездействии присваивается государству по международному праву и представляет собой нарушение международно-правового обязательства этого государства. В текст также следует включить новые определения, такие как составляющие элементы одностороннего заявления государства-преемника.

127. Он согласен с несколькими членами Комиссии в том, что проекты статей 3 и 4 пока не следует передавать на рассмотрение Редакционного комитета, с тем чтобы Специальный докладчик смог включить дополнительные материалы по таким вопросам, как различные формы правопреемства и влияние их регулирования на соглашения о правопреемстве, о которых идет речь в проекте статьи 3.

128. Относительно темы защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами, он говорит, что его делегация по-прежнему считает, что разграничение международных и немеждународных

конфликтов следует опустить, поскольку и те, и другие могут причинить окружающей среде непоправимый вред. Сальвадор по-прежнему выступает за определение в проектах статей временных этапов, однако предостерегает от введения окончательных разграничений ввиду того, что некоторые обязательства необходимо будет соблюдать на всех этапах.

129. Обращаясь к проектам принципов, одобренным Комиссией в предварительном порядке, он говорит, что пункт 2 проекта принципа 9 устанавливает тройственное обязательство — принимать меры для защиты природной среды от обширного, долгосрочного и серьезного ущерба, однако слово «и» должно быть заменено словом «или». Это исключит необходимость соответствия ущерба всем трем критериям; одного из трех будет достаточно. Что касается пункта 3, необходимо помнить, что окружающая среда по своему характеру является публичной, транснациональной и универсальной и что меры ее защиты должны обладать теми же характеристиками. По-прежнему вызывает озабоченность то, что данный пункт допускает нападение на объект окружающей среды, в случае если он становится военным объектом: формулировку пункта следует изменить, поскольку, по всей видимости, она повторяет терминологию из области гражданского и военного имущества. Более того, проект принципа 5 противоречит пункту 3 этого проекта принципа, поскольку государства могут обозначить районы, имеющие большое экологическое и культурное значение, в качестве охраняемых зон, в то время как проект принципа 9 допускает нападение на объект окружающей среды, в случае если он становится военным объектом, не предусматривая каких-либо исключений.

130. **Г-н Хиротани** (Япония), обращаясь к теме «Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)», говорит, что его делегация поддерживает использование Специальным докладчиком в качестве основы для выработки критериев идентификации статьи 53 Венской конвенции 1969 года и государственной практики и решений международных судов и трибуналов в качестве источника контекста и средства толкования статьи. Однако, поскольку нормы *jus cogens* относятся к нормам общего международного права и не сводятся к контексту международного договорного права, не следует ограничивать работу над темой международным договорным правом. Следует должным образом изучить другие области права, например вопросы ответственности государств, не только в контексте действия норм *jus cogens* или его последствий, но также с учетом их определений, критериев и содержания.

131. Что касается вопроса о необходимости подготовки Комиссией иллюстративного перечня норм *jus cogens*, Япония придерживается мнения о том, что такой перечень может стать ценным практическим инструментом, если в него войдут обоснования и свидетельства, на основании которых Комиссия отнесла включенные в перечень нормы к нормам, приобретшим статус *jus cogens*. Однако следует предупредить неверное восприятие этих норм как имеющих особый юридический статус, отличный от статуса прочих норм, которые также могут быть отнесены к *jus cogens*, но не вошли в перечень. Важно ясно дать понять, что перечень носит иллюстративный характер и не является исчерпывающим, а также не влияет на юридический статус не вошедших в него норм.

132. Что касается рассмотрения региональных норм *jus cogens*, Япония не считает, что в изучении норм *jus cogens*, не имеющих универсального характера, есть необходимость. Необходимо будет определить цель и значение обсуждения этого вопроса и тщательно изучить связь между нормами *jus cogens* и региональными нормами *jus cogens*.

133. Обращаясь к теме правопреемства государств в отношении ответственности государств, он говорит, что, насколько понимает Япония, анализ носит предварительный характер, и Япония надеется на то, что на следующей сессии Комиссии будет продолжено углубленное рассмотрение этой темы. Япония отмечает трудности, которыми может сопровождаться изучение темы, учитывая ограниченное число соответствующих случаев и сомнения в наличии достаточной практики государств в этой области. Правопреемство государств имеет несколько форм, и важно изучить практику государств в каждой из этих сфер.

134. Специальный докладчик анализирует релевантность соглашений о правопреемстве государств в отношении ответственности в статье 3 и последствия односторонних заявлений государства-преемника в проекте статьи 4. Однако структура текста проектов статей представляется сложной ввиду отсутствия четких ориентиров, касающихся общих принципов правопреемства государств в отношении ответственности государств. В случае если за основу берется теория недопустимости правопреемства, в проектах статей 3 и 4 основное внимание должно уделяться исключительным условиям, в которых соглашения о правопреемстве и односторонние заявления могут стать основанием для перехода ответственности. В своем первом докладе (A/CN.4/708) Специальный докладчик указывает на то, что теория недопустимости правопреемства более не является

преобладающей. Однако, как отметили несколько членов Комиссии, описанных в докладе случаев недостаточно для подтверждения этого довода. Таким образом, Япония ожидает, что общие принципы правопреемства в отношении ответственности государств будут изучены дополнительно. На данном этапе во избежание увеличения объема работы над темой не следует касаться таких вопросов, как ответственность за действия, не запрещенные международным правом, ответственность международных организаций и правопреемство правительств.

135. **Г-н Мхура** (Малави), рассуждая о теме преступлений против человечности, говорит, что Комиссии следует дополнительно изучить положения проектов статей, касающихся права жертвы на получение возмещения вреда. Положение, требующее дополнительного рассмотрения, содержится в проекте статьи 12 («Жертвы, свидетели и другие лица») и касается меры ответственности государства за обеспечение возмещения вреда с учетом тех трудностей, которые могут быть связаны с выполнением этих обязательств.

136. Что касается иммунитета должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции, его делегация с обеспокоенностью отмечает, что Комиссия отошла от установленной процедуры принятия результатов ее работы на основе консенсуса. В проекте статьи 7 перечислены исключения из правила об иммунитете в виде преступлений, в отношении которых иммунитет не применяется. Тот факт, что проект статьи был принят путем голосования, наносимого в протокол заседания, является свидетельством того, что вопрос следует изучить подробнее. Комиссии следует применять осмотрительность, с тем чтобы не допустить смешения темы во всей ее совокупности со сферой действия и применением принципа универсальной юрисдикции.

137. Что касается прочих решений и выводов Комиссии, его делегация приветствует включение в программу работы Комиссии темы «Общие принципы права», поскольку выявление таких принципов и методов их идентификации даст государствам определенные ориентиры. В то же время Малави сомневается в том, что тема свидетельств в международных судах и трибуналах должна рассматриваться Комиссией. В каждом международном трибунале действуют свои собственные правила свидетельства, и согласовать их будет затруднительно. Комиссии следует выбирать темы, способствующие решению насущных вопросов международного права, и направлять своих ресурсы на работу над такими вопросами, особенно в свете постоянного увеличения рабочей нагрузки.

138. **Г-н Нольте** (председатель Комиссии международного права) говорит, что прения в Шестом комитете были чрезвычайно насыщенными. Специальные докладчики последовательно принимали во внимание внесенные замечания, а Секретариат смог обеспечить подготовку чрезвычайно подробных резюме прений по отдельно взятым темам. Озвученные делегациями мнения помогут Комиссии не только доработать определенные конкретные материалы, но и по-новому взглянуть на положения, вызвавшие наибольшее количество вопросов или разногласий.

139. На своей следующей сессии Комиссия отметит семидесятую годовщину со дня своего основания. Это прекрасная возможность рассмотреть положительные аспекты взаимодействия Комитета и Комиссии и изучить, как это взаимодействие может быть улучшено. Когда мы впервые присоединились к Комиссии 10 лет назад, поиск достаточного числа тем для рассмотрения Комиссией создавал определенные трудности, сегодня мы имеем дело с противоположной ситуацией — таких тем, пожалуй, слишком много. Необходимо понять, как достичь баланса. От имени Комиссии он выразил благодарность за участие в прениях в Шестом комитете, которые будут в надлежащем порядке учтены в будущей работе Комиссии.

Заседание закрывается в 13 ч 10 мин